

К 1256324

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

ВОЛОГДА МОЯ
СВЕТЛОВОЛОСАЯ

КИФ «Вестник»
г. Вологда

К 850-летнему
юбилею города
в 1997 году

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

ВОЛОГДА МОЯ
СВЕТЛОВОЛОСАЯ

КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ

Вологда
1996

K-1256324

ВОЛОГДА КАЯ
БОЛАСТИНА · библиотека
им. И. В. Бабушкина

О любимой Вологде говорит ПОЭТ...

Поэта Александра Романова не надо представлять: его знает читающая Россия. Стихи и поэмы, статьи и эссе, очерки и публицистика — везде он оставил свой — ни на кого не похожий — след.

О своем отчим крае — Вологодчине он, пожалуй, тоже сказал выразительнее и доступнее других. С годами у него сложилась своего рода маленькая энциклопедия о родной стороне, и уже хрестоматийно звучат известные строки:

«Вологда моя светловолосая
С искоркой-снежинкой на щеке».

К 850-летию города поэт специально подготовил поэтическую книгу, которую администрация города решила профинансировать, так как все в ней о нашей любимой Вологде. Это действительно достойный подарок и жителям, и гостям города к его славному юбилею. Стихи ярко рисуют не только настоящее нашей малой родины, но и ее историю. И все это окрашено и пронизано истинной сыновней любовью, болью за родную землю, желанием помочь ей выстоять в самые лихие времена и дожить до своего высокого и заслуженного идеала.

Алексей ЯКУНИЧЕВ,
Глава администрации
г. Вологды

1

ГОРОД
НАШЕЙ ДУШИ

Радостно подъезжать к Вологде с севера, с родной деревенской стороны. Отхлынут назад сухонские перелески, и передо мной опять всплынут купола прилуцких церквей. Они всплынут, как седые шеломы из глубины земли. И чем ближе к ним, тем они — вот удивительно — удаленней от взгляда: лишь тихий свет, излучаемый ими, падает в сердце. И о чём бы я ни думал в пути, какие бы заботы ни тяготили меня, видение этих красно-белых твердынь властно коснется души и памяти.

У художника Николая Баскакова есть замечательный холст «Прилуки». Он исполнен резкими и тревожными мазками, как всполохами минувшего. Темно-зеленый фон холста откуда-то изнутри, снизу прожигают красные пятна то ли стен, то ли крыш, то ли пожаров, а выше этой житейской окалины в мерцающем инее одиноко стынет белый собор. Когда я вглядывался в этот холст, словно чувствовал дуновение истории.

Минута — и Прилуки отодвинутся вправо; из-под железного моста вырвется подбережная синева, а в глазах уже поверх всего города — снежное облако Софии и золотое солнышко, венчающее колокольню.

Здравствуй, Вологда! Вот наконец-то тот кремлевский берег и та Соборная горка, обрыв которой, право же, омывают не речные волны, а потоки самого времени. Вот поодаль и он, тот крутой холм первопоселения, из которого граненым обелиском поднимается многовековая ось Вологды. Светлее и заповеднее места, чем это,

нет в нашем крае! По медленной излучине левобережья серебрянотканым поясом тянутся старинные церкви Сретенья, Иоанна Златоуста, Дмитрия Прилуцкого, Николы во Владычной слободе и Спаса во Фрязинове — каждая со своим неповторимым обликом, узором и молчанием, а меж ними вольно расставлены отрадные взору особняки и крепко рубленные дома.

Здесь чуткой памятью и ныне за звуками нашего времени можно расслышать гром посоха Ивана Грозного, напористую походку Петра Первого и легкий шаг задумчивого Константина Батюшкова, чей стих, по словам Гоголя, «облитый ароматами полудня... сладостный, как мед из горного ущелья», волнует и нас, его потомков. Здесь в камне и дереве, в музейных залах древней иконописи и ремесел, в просторности и певучести окружающих строений можно и ныне рассмотреть мудрые порывы народного гения. Здесь воистину пахнет Русью! Только жаль, что многое из наследия далеких предков по нашему собственному небрежению утрачено безвозвратно. Тем более дорого все то, что еще осталось на вологодских берегах. И когда я прохожу в раздумье по этим зеленым берегам, в сердце колотятся, закипают слова Александра Сергеевича Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости». Сказано точно и беспощадно.

Вологда — не просто город. Не просто географический знак на карте. Не просто местожительство многих поколений. Вологда — это исторический путь России к Северному океану и за Уральский камень, в далекую Сибирь, к океану Восточному. Вологда — это самобытный образ русской жизни, запечатленный на века камнетесами, плотниками, сказителями, резчиками, кружевницами, песенницами, самыми разными мастерами народных художеств. Вологда — это более чем восьмивековая память о Родине. Па-

мять, переданная нам в наследство. Для каждого вологжанина Вологда — не просто пометка в паспорте или свидетельство о рождении. Вологда — это чувство причастности каждого к делам и подвигам своих земляков.

Не раз бывало: уедешь куда-нибудь далеко, и места, и люди там хорошие, а о яркости природы и говорить нечего — диво дивное. Но вскоре замечаешь за собой: начинает пощипывать тоска, наваливается необъяснимое беспокойство, и взгляд все чаще выискивает на горизонте северную сторону. Что это такое? Может, ущербность души? Ограниченностъ восприятия широкого мира? Доморощенная кичливость? Да нет же! Душе вняты все стороны света, а взгляд ненасытен на красоту мира. Только живо в тебе постоянство привязанностей, вот эта самая тяга, которая и есть любовь. Ее, конечно, можно заглушить, но слишком дорогой ценой — разрушением собственной душевной цельности. А тогда уж, без единственной любви, и восприятие широкого мира будет узким, поверхностным и суэтным. Нет, нет, лишь глубокая привязанность к родной стороне помогает понять и увидеть без прикрас всю землю.

В Вологду, на окраинные улицы, залетает ветер полей — опахнет на миг деревней, сладко сожмет сердце. От реки вдруг повеет запахом черемухи и ельника, защемит в груди от близости перелесков. А услышишь на заре, как призываю гудит железная дорога — и радостно станет на душе от доступности всей страны. Хорошо, разумно поставлена Вологда среди северных земель! И она для нас не просто город, а жизнь нашей души, свет нашей любви к Родине, к милой России.

2

СТИХОТВОРЕНИЯ

Как услышу я знакомый говорок:
«Наша Вологда — хороший городок!» —
Словно ветерком обдует сердце,
Теплым, чистым, хвойным ветерком,
И от грусти никуда не деться:
Жалко расставаться с земляком.
Как да что там? — на ходу вопросы,
А перед глазами — все одно:
Улочка, снега, рассвет морозный
И твое кудрявое окно.
Будто бы деревья, над домами
Стынет дым, белес и недвижим.
А деревья вдоль посадов сами
Цепенеют, словно дым.
Ты проходишь в этот час под ними,
Задеваешь ветки невзначай,
И пушится, как бывало, иней
Горностаем на плечах...
Почему-то вижу только это,
Слушая рассказы земляка
О кварталах, выросших за лето,
О домах, глядящих свысока.
Видно, так порой бывает с нами:
Спрашиваем мы про города,
Слушаем, дивясь, а вспоминаем
В них кого-то близкого всегда.
Так и я — вот задаю вопросы,
Ну, а сам — в далеком далеке...
Вологда моя светловолосая
С искоркой-снежинкой на щеке!

Василию Белову

С Ярославского вокзала
В ночь уходят поезда.
Ты чего лицо туманишь,
Ты чего грустишь, товарищ?
Наше место — вон на полке,
И опять туда, туда,
Где висит на каждой елке
Синим филином звезда.
У курносой, белолицей
Нашей местной проводницы
Чаю крепкого завара
Мы попросим, а потом,
Прислоняясь к ветрам спиною,
На полтыщи верст длиною
Мы беседу развернем.
Нас в дорогах покачало,
Дружбы нашей там начало.
Отчего же зародилась —
Как сказать наверняка?
Может, жаркая частушка
Озорно и простодушно
Огоньком сердца задела —
И пошла от огонька.
...Разговаривают рельсы:
«Разгорелся, разгорелся»...
И уносятся, струясь.
А колеса подпевают:
«Жарче, жарче не бывает,
Жарче, жарче не бывает,

Чем на Севере у нас»...
Утро медленно краснеет.
Здравствуй, батюшка наш Север!
Ты гостей, конечно, ждал...
Он шагает нам навстречу,
Развернув огромно плечи
От железного Урала
До гранитных финских скал.
Он в зеленой телогрейке,
Строгий, жилистый и крепкий,
Весь от инея седой.
Шапку низко нахлобучив
Из мехов из самых лучших,
И с Полярною звездой!
Звездный свет нам в лица сеет
Милый Север, добрый Север...
Мы выходим в знобкий тамбур,
В свет застенчивой зари,
И курносой, белолицей
Нашей местной проводнице
Мы стаканы возвращаем
И за чай благодарим.

РУССКИЙ СЕВЕР

Только травы на покосах лягут,
Припасай лопату — столько ягод:
А прокатит гром парной грозы —
Той лопатой и грибы грузи.
Это Север. Это русский Север.
Здесь, содвинув домны и поля,
Зреет сталь, и зреет рожь и клевер.
Здесь тугая от корней земля.
Ельниками выпилено небо,
И в прохладе белых городов,
Словно весть веков, узорнолепно
Легкое паренье куполов.
Здесь дома, что кружева, воздушны.
Люди — голубой да карий взор —
Простодушны, нет, великодушны,
Как велик за Вологдой простор.
И частушки вяжут поясами,
И по миру катится молва,
Что за вологодскими лесами
Вырастают спелые слова.
В спелом слове — огневая сила.
Взял его — будь к подвигу готов,
Чтобы правда в книге простила,
Будто соль на спинах земляков,
Будто эти в синих тучах дали,
Где терпеньем, мужеством, трудом
Поколенья землю обживали
И где мы распахнуто живем.

КОЛОКОЛА

Звон вечевой, извечный
Замкнули на замки
И ложью, как увечьем,
Связали языки.
Но время шло... Расторглась
И расточилась мгла.
Слыши — будто правды возглас —
Гудят колокола!
В сознанье нашем тусклом,
Как вихри в тупике,
Поют на древнерусском,
Забытом языке.
В порыве удивленья
Кипят у стен седых
Людские поколенья,
Не слышавшие их.
Ах, день какой хороший!
Как Вологда светла!
Над ней гудящей рощей
Растут колокола.
Здесь Батюшков и Яшин,
Здесь Клюев и Рубцов.
Взгляд каждого — бесстрашен,
Путь каждого — свинцов.
К собору вместе с нами
Из разных лет сошлись.
Кремлевскими часами
Их не исчислить жизнь.
А звон все наплывает,
Гуляет в небе звон.
И каждый звук пылает
Протяжностью времен.

ЯШИН

В отдаленье, а будто рядом
Он стоит под красной рябиной.
Без любви, а с влюбленным взглядом,
Без вины, а с душой повинной.
Одаряет людей кистями,
Будто северной поздней зорькой.
Но объелись люди сластями,
Разве им до рябины горькой?
В мире нет беды окаянней,
Чем к родной земле безразличье.
Раскаляется в покаянье
Слово медленное, мужичье.
Он выкатывает из сердца
Это слово, почуяв силу,
Чтоб согреться, и опереться,
И всмотреться людям в Россию.
В этом слове для жизни все есть:
Умудренно светит отрада,
Обнаженно тоскует совесть,
Неподкупно пылает правда.
И в стихи его корневые
Рифмы катятся без запинки,
Словно ягоды наливные —
Наши клюквинки и рябинки.

УЛИЦА АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Морозом изукрашенный
Автобус бег сдержал.
— Остановка «Яшина», —
Кондуктор сказал.
Я вздрогнул: память горькая
Не умирает век.
А за дверными створками —
Народ, дома и снег.
Все закружилось сызнова,
И встал передо мной
Он, очень трудно признанный,
Приехавший домой.
Держал красиво голову,
Годами умудрен.
Посмотришь — выше в городе
Всех на голову он.
Допытывал на родине
За стопкою вина:
— Что пишете, не врете ли?
Смотрите — жизнь одна.—
И взгляд — души окалина —
Горел, неотразим.
Мрачнел, когда лукавили
С трибуны перед ним.
Когда же в чьем-то голосе
Забота, прямота,
Задорно светом полнился,
Орлино взгляд метал.
Твердил он без усталости,
Что честная строка
Запомнится, останется,

Быть может, на века.
И шел он с редким мужеством
Сквозь маэту утрат.
...Плынут снежинки, кружатся
И сердце холодят.

1256324

ВОЛГОГДСКАЯ
художественная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ВСТРЕЧА НА УЛИЦЕ

С ним на улице имени Яшина
Я столкнулся. Он сумрачно брел.
Он когда-то поэта подкашивал,
На трибуны взлетал, как орел.
И рядил, и судил по-чиновничьи,
Мол, поэт ищет только сучки...
Он не видел ни правды, ни горечи
Сквозь свои золотые очки...

— Вы живете на улице Яшина? —
Я спросил. Он ответил: «Да, здесь».
И улыбка, смотрю, вмиг погашена,
Да и сам передернулся весь.
И взглянул виновато, болезненно,
Мол, прошли уже те времена.
Да, прошли. Но осталась Поэзия!
К Правде путь пробивает она!
Я напомнить хотел эту истину,
Но ему не сказал ничего.
Лишь взглянул на знакомого пристально:
Очень старый он. Жалко его.

РАЗГОВОР С ХУДОЖНИКОМ КОРБАКОВЫМ

Даль осени остылой
Печальна и чиста.
И благостен пустынник
Из тихого скита.
Со взором проясненным
Бредет едва-едва,
И гаснет с мягким звоном
Озябшая трава...
Не мой ли это прадед
Бежал от суеты
Искать для сердца правды
В озерные скиты?
Не знаю. Вьются ветви
Меж нами широко.
Так почему — ответь мне,—
Владимир Корбаков,—
Повеет вдруг — не богом —
Пронзительным до слез,
Лишь гляну на глубокий,
На несторовский холст.
Встревожит знаком вещим
И в сердце упадет
Тот взгляд, в себя ушедший,
И посох мудрый тот.
И тронет ненароком,
Вся в инее насквозь,
Из той поры далекой
Рябиновая гроздь?..
Ответиши мне по-свойски
На то, что я спросил,

Что это отголоски
Исчезнувшей Руси.
С какой надеждой краткой —
Ты скажешь — приглядишь,
В мучительной догадке
Дышала эта кисть
Травой, цветком, росинкой,
Чтоб выявить одно:
Куда ж идет Россия,
Что сделать ей дано?
...Не легок путь до истин,
И бились неспроста
Пророческие кисти
На золотых холстах.
А Русь простолюдинкой,
Тоскуя и грозя,
Все шла, и плыли в дымке
Прекрасные глаза.
...Летят все круче годы,
Туманами струясь.
Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!
Сквозь бури революций,
Сквозь оттепель и стынь
Уходит, чтоб вернуться
На свежие холсты.
И в ней опять загадка
И глубина опять.
Гордиться нам и плакать,
Терять и вновь искать.

Иконописец-вологжанин,
Явивший миру этот лик,
Для нас остался безымянен,
А для художества велик.
Он запирался в скудной келье,
Постился, набожен и строг,
Чтоб огнь, таинственный доселе,
И дух, и плоть его возжег.
И озарялся мастер взором,
И дерзновенной кистью он
Творил свой помысел, в котором
И высь, и твердь, и скорбь времен.
Прекрасный лик, рожденный кистью
На скромном вытесе доски,
Дышал и веял в сердце высью
Среди сует и смут мирских.
Глаза пророчески взывали
И к единенью, и к добру.
И предки наши в час печали
Им отзывались ввечеру...
А годы шли, безбожье сея,
Но, помня путь родной земли,
Из храма веры в храм музея
Икону люди принесли.
Она, как луч забытых сказок,
Людей дивила всякий раз
Движеньем черт, сиянем красок
И глубиною древних глаз...
Вошел в музей с личиной лунной
И рисовальщик, живший здесь.
Томясь корыстью скудоумной,

Сорвал икону и исчез.
В свою укрывшись мастерскую,
Пришельцу чуждой стороны
Он продавал ее, такую,
Которой не было цены.
Он поднимал свой тонкий палец,
По лицу древнему скользя.
Грозой и скорбью наливались
Заполненные глаза.
Из мглы времен, из дальней дали,
Преодолев за веком век,
Они как будто вопрощали:
«Се человек?!»... О, человек!

РУССКОЕ СЛОВО

Да, конечно, огромна Россия!
В синь росисто вместилась она
И в себя столько света вместила,
Что сиять ей во все времена!
Пласт на пласт поднимала двужильно,
Хоть враги и топтали жнивье.
А она лишь народы дружила
Через вещее слово свое.
Не за-ради чего, а навечно,
Чтобы прямо глядеть, а не вкось.
И в бесчисленных ныне наречьях
Это слово светло пролилось.
В нем и мудрость, и отблеск алмазный,
Что смогли глубь веков превозмочь,
В нем таятся державные связи
И грядущего нашего мощь.

СМОТРИУ ОПЯТЬ...

Смотрю опять, как в синеве дремотной
Окошки проступают все жарчей
И долго наливаются, как соты,
От близкого дыхания печей.
И слышно, как тропа морозно вьется
И как ведро по холоду плывет
Веселое — до самого колодца,
Спокойное — обратно до ворот.
Мать окликает у крыльца кого-то,
Спешит навстречу в тихой полумгле...
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте, о тепле.
И в поисках судьбы, чем эта, ярче,
И мудрости, чем эта, поновей
Уходим мы решать свои задачи
От чистых речек и ржаных полей.
И чем смелее мы берем высоты,
Тем беззащитней тянут нас к земле
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте, о тепле.

КРАСНЫЕ ТУЧИ

Люблю, как надвинутся с кручи,
Столкнутся один на один
Грозы темно-синие тучи
И красные тучи рябин.
В кипенье раскатном и грозном
Швыряет разгневанный лес
Охапками крупные гроздья
В разломы и окна небес.
Рассеются темные тучи,
А красные, радуя взгляд,
Еще ослепительней, жгуче
От молний упавших горят.
Горят над полями, домами,
Над Русью, опять голубой,
Над нашим крыльцом и над нами,
Все годы над нами с тобой.
Над ранней и поздней любовью,
Над песнями прожитых лет,
Над жизнью, над смертью, над болью,
Над теми, кого уже нет.

ГАРМОНЬЯ

Василию Белову

Красно застолье
От жарких лиц.
Стулья стонут
От молодиц.
А мой товарищ
Грустит опять:
— Где, не знаешь,
Гармонью взять?
Гармонью? Сразу
От слов таких
Крикливыи праздник
На миг затих.
А ну, хозяйка,
Поуважай:
Сходи узнай-ка
По этажам.
Ох, досталось,
Сбилась с ног.
И вот как радость
И как упрек
Плывет гармонья,
Как ночь, черна.
Чуть-чуть затронут,
Вздохнет она.
— А ну, товарищ,—
Все ожили,—
Сыграй. Но знаешь —
Хорошее...
Коснулся ухом —
Прохладен лак.

Запела глухо,
Несмело так.
И вдруг как ахнет
Гармония,
Сверкнув мехами,
Как молния.
Заулыбались
Все перед ней:
Все оказались
Из деревень!
Вот это было
Свидание!
В глазах поплыло
Все давнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое,
Все скорбное,
Все наивное...
Эх, гармония,
Пой, милая!
С душ неверных
Сбивай-ка спесь:
У нас деревня
У всех — вот здесь!
В глазах рябило,
Как вновь в избе.
Кому-то было
Не по себе.
А кто-то сдвинул
Стулья вдруг
И, ветром взвитый,—
Как ястреб,— в круг!

Эх, полы, полы,
Нас попомните,
До чего ж малы
Нынче комнаты!
И так, и сяк,
А потом эдак.
И еще вот так
Напоследок!..
Но зови, не зови —
Дело зряшное:
Затухает в крови
Все вчерашнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое.
А пляшется с жаром,
Так это опять
Худое со старым
Хотим истоптать!

ОЧКИ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

Белов нас трезвее и строже.
В прищурах зрачки — что крючки.
И памятлив он...

Только все же
Забыл он однажды очки.
Ушел второпях
и оставил.
И шаг непреклонный затих...
Взглянул я:

оправа простая,
Но, может быть, зорче моих?
Ведь в книгах Василий Иваныч
Так зорок,
приметлив, глубок,
Что мир, опрокинутый навзничь,
Горит от правдивости строк...
И вот я, очки примеряя,
Гляжу, будто в две полыни.
Не вижу ни ада, ни рая,
А вижу лишь слезы свои.
Так больно от этих

диоптрий,
Что вытерпеть не было сил.
И мир этот —
злобный и добрый —
Слезами едино омыл...

В ГОСТЯХ У ПАВЛА БЕЛЯЕВА

Электричка, словно спичка,
Засверкала на лету
И уткнулась по привычке
В ельник, в снег и в темноту.
А в лесу — как сказка — небыль:
Закружила, заворожила,
Сквозь деревья льются в небо
Тихим светом этажи.
Опахнуло жаром щеки:
Наконец у земляка!
Высоко летал, высоко,
Да не смотрит свысока.
Он сейчас доволен, весел.
Нас в гостиную ведет.
Тонем мы в объятьях кресел,
Словно выпал нам полет.
И свою Татьяну кличет,
И выходит к нам она.
Добрый, теплый, земляничный
Светом вся полным-полна.
И расспросы первым делом,
Как там, в Вологде, народ
Володеет, холодаеет,
Молодеет и живет.
Как там ныне с сеном, с хлебом,
Как охота, как грибы...
Он вздыхает: снова не был,
А хотел, хотел побывать.
Ну, а нам-то, ну, а нам-то
Подавай скорей сполна,
Как летали космонавты,
Как там небо и луна.
Он зовет к столу, смеется,
Мол, нельзя про все подряд.

Лишь потом, как бы от солнца,
Тихо вспыхивает взгляд.
Этот взгляд, в себя вобравший
Свет распахнутых берез,
Свет развиленных ромашек,
Свет дымящихся борозд.
Свет лица своей любимой,
Свет судьбы своей земной
И России свет лавинный,
Будто свет души самой.
Этот взгляд столкнулся дерзко,
Прошибая мрак вразброс,
С леденящей черной бездной
И кинжалным блеском звезд.
И не дрогнул!..

Но обычен

Ровный голос земляка.
Удивительно: величье
Видно лишь издалека.
Скромен облик человека,
А в ушах ракетный гул,
Что взметнул страницу века
И ее перелистнул.
...Мы размашисто гостюем.
Рад бы так — нельзя ему.
В тренировочном костюме
Даже здесь, в своем дому.
И пора прощаться с нами:
Вон и звезды уж зажглись,
Потайными письменами
Снова вычертили высь.
И мерцают в ветках зяблых,
В темной плоскости окна
И в нетронутой — ни капли —
Рюмке красного вина.

ПОСВЯЩЕНИЕ В РОДНЮ

Рванулась на крыльцо: приехал сын!
И сразу поняла, что не один,
И отшатнулась, посветлев, назад.
Я тут же, у крыльца, знакомлю их.
И вот они, две женщины, стоят.
Пока еще две женщины чужих.
О, это посвящение в родню!
Смятенье чувств и зоркость мудрых глаз!
Волнуюсь и молчание храню —
Мои слова им не нужны сейчас,
Они сейчас сердцами все поймут,
Я прав иль нет, что говорил о них.
Целуются, друг другу руки жмут,
Но все еще — две женщины чужих.
...Шумит по-праздничному самовар,
Все в золотинках солнечных насквозь:
Глаза, морщинки и над чашкой пар,
Игра ресниц и прядь густых волос.
И, как у нас ведется в деревнях,
Уже соседки поглязеть идут.
— Ну, проходите, что вы там в дверях?
— Да ладно, ладно, постоим и тут.
По делу мы, вон к матери твоей,
За квасом мы, у вас такой уж квас!..
Налили квас, но все же от дверей
Нейдут они, разглядывают нас.
И говорят, мол, это кто, жена?
Уж до чего пригожа да бела,
И рослая, гляди-ко. Знать, она,
Голубушка, не в городе росла.
Уж больно городские-то бедны:

Ни спереди, ни сзади — ничего...
И вижу я, как чашка у жены
Дрожит в руках и плещется чаек.
А я смеюсь: не угадали, нет,
Из города, из Вологды самой!
И ахают притворщицы в ответ
И с новостью торопятся домой.
...Сидим втроем мы долго, допоздна.
Веселый самовар давно затих.
— Спасибо, мама,— говорит жена,
И вижу тут, что женщин нет чужих.

* * *

Меня, себя заденешь ли —
Вся память в узелках:
Заботы да безденежье,
Да дети на руках.
Упреки запоздалые,
Ревнивые твои,
Как в поле воды талые,
Кипят поверх любви.
Да, мало было помощи,
Да, было много дел...
А помнишь ли,
 а помнишь ли,
Как я к тебе летел?
По городу по Вологде
Трескучею зимой
Летел в полночном холоде
В рубашке раздувной.
В одной рубашке ситцевой
Без шапки и пальто.
Не свистнула милиция,
Не задержал никто.
И вот у тихой звонницы,
Где вечность замерла,
Где между звезд покоятся
Седые купола,
Тебя увидел издали,
Как на краю земли.
В печали губы выстыли,
Глаза изнемогли.
И вспыхнул мир
 заснеженный!

Твой шепот я ловлю:
«Простудишься, ой
бешеный,
Ведь я тебя люблю».
И загудели медленно,
Как будто спала мгла,
Серебряные, медные
Во мне колокола.
И с поднебесной Вологды
Поплыл венчальный снег.
Мы счастливы, мы молоды,
Мы избраны навек!..

* * *

Метель, дорогу бодая,
Скользит, наскочив на лед.
А женщина молодая
На санках сына везет.

У нас в душе холодаёт
И стужей тянет с бород,
А женщина молодая
На санках сына везет.

И, эту даль покидая,
Оглянемся в свой черед.
А женщина молодая
На санках сына везет.

И в долгой метели веют
Здоровьем русской зари
Над санками и над нею
Красные снегири...

ИМЯ ВЫБРАЛИ ИВАН

Кто сказал, что это имя
Молодецкое — Иван
Вдаль ушло невозвратимо,
Закатилось в синь-туман?
Нет, вовеки не исчезнет!
И, как слава россиян,
Будет в сказке, будет в песне,
Будет в мире жить Иван!
Вот и сын в порыве славном
Новорожденного взял
И его назвал Иваном,
В память прадедов назвал.
Как звучит оно, послушай,
Это имя по слогам:
Ваня, Ванечка, Ванюша,
А Ванюша машет нам.
И улыбкой сердце греет.
Наша радость — через край.
Подрастай, дружок, скорее,
Крепко на ноги ставай!
В жизни трудно. В мире сложно.
Путь распахнут далеко.
Что же истинно? Что должно?
Разобраться нелегко.
Но твои наступят полдни,
Возмужаешь и поймешь.
Только чей ты родом — помни,
Помни — душу губит ложь.
И тогда найдутся силы
Все осилить рубежи.
Честь родительской России
Высоко, Иван, держи.

СОВЕТ

Ты тоской себя не мучай —
Поброди среди людей:
Чья-то жизнь благополучней,
Ну, а чья-то и трудней.
Посмотри — и легче будет,
Отвяжись от немоты.
И поймешь, что

в шумных буднях

Не потерянный и ты.
На себя, как на чужого,
Беспощадно рассердись.
Если надо, трижды снова
Начинай дела и жизнь.
Начинай с ожесточением,
Знай об этом только сам.
Не ходи за утешеньем
Ни к родным и ни к друзьям.

СТАРИК

— Как жизнь? — А лучше и не будет.
— Неужто? — Думаю, что так.
— Но люди... — Что ж, на то и люди,
Чтоб ожидать каких-то благ.
— А ты-то что? — А я счастливо
Пожил... — Достиг чего? — Достиг.
— Чего? — Трудись не суетливо,—
И улыбнулся мне старик.

ДОЧЕРИ

Семье Сухаревых

Четыре дочери — чьи, видно.
Румянцем щеки залиты.
Сестра сестру не отодвинет,
А лишь добавит красоты.
Четыре дочери — невесты!
Какая стать! И все живей
Взгляд родниковый, взор небесный
Под черным росчерком бровей.
В них материнская пригожесть.
Стоит отец, мужик простой,
Дивясь, робея и тревожась
Перед дочерней красотой.
Четыре дочери — загадки.
Что станет с ними в смене лет?
То вспыхнет, то погаснет краткий
Огонь родительских примет.

РАЗГОВОР

— Ты, что курица-парунья,
Надоела, мати, ой!
Как умрешь, не пророню я
Ни слезинки ни одной!

— Ну, спасибо, дочь. Хоть бедки
Мне слова, но впереди
У тебя самой три девки:
Слезы, верно, береги...

ПЕЧАЛИ

Печали думать заставляют
И в шуме жизни, и в тиши.
Они, как свет в ночи, являются
И ширь ума, и глубь души.
И чтобы души не мельчали,
И чтобы разум не угас,
Не оставляют нас печали...
Беда, когда оставят нас.

Что красноводье, поздняя брусника.
Я в ней корзину грузную топлю.
Грущу от улетающего клика
И сам брожу подобно журавлю.
И мне пора, хоть здесь озера ягод,
Бордовых, прокаленных на росе.
Но все равно их не набрать мне на год,
Пускай же остаются на рассев.
Мне хочется к тебе — в твои печали
И радости — как птицам в синеву.
Любовью это называл вначале,
Теперь любовью трижды назову.
Быть может, поздно прояснилось сердце,
Но в нем одно желание добра.
Вот и бруснике, чтоб красно зардеться,
Необходима поздняя пора.
Зато теперь и сладость в ней, и сила,
И княжеский на мху зеленом вид.
И та роса, что руки мне студила,
Твое лицо бруснично озарит.
Мы не пойдем при встрече за гостями,
А целый вечер просидим одни.
Ты будешь черпать ягоды горстями,
И потекут меж пальцами они.
И каждая-то ягода прошепчет,
И промелькнет в глазах твоих игра,
И подтвердят раскутанные плечи,
Что лучше прежних поздняя пора.

* * *

В молчанье я стою один,
Где проходила ты когда-то.
Лишь кисти грузные рябин
Теперь висят краснозакатно.

О чем молчишь — то и твое,
А только выскажешь — чужое.
И как туманы над жнивьем,
Плывет затишье над душою.

Лишь этой истиной жива,
Душа всегда того страшится,
Что сразу выступят слова
Все то, что пламенем таится.

Ах, свадьбы шумные! Едва ли
Найдется что-то веселей...
Мы на чужих с тобой бывали,
Но не бывали на своей.
В ту пору не придав значенья,
Без свадьбы начинали жизнь.
И к нам тогда на чай вечерний
Лишь очень близкие сошлись.
Ну, упрекнуть бы нас хотя бы
Иль намекнуть: мол, как же так?
Нельзя, соколики, без свадьбы,
Она, представьте, не пустяк.
...Жизнь чередом пошла не сразу,
Но обижаться нам нельзя:
Своей любви мы знали праздник —
Пусть позавидуют друзья.
Однако тихою досадой
В душе уже который год
Несостоявшаяся свадьба
Все ощутимее живет.
Она как будто где-то рядом —
С цветами, музыкой, вином.
И так она доступна взгляду,
Что кажется: вот-вот придем.
Нас заждалась она, такая,
Пускай нешумная — своя.
Уже наполнены стаканы,
И собрались уже друзья.

И это чувство все сильнее,
И мы с тобой чего-то ждем...
...Ты для меня еще роднее,
Еще дороже с каждым днем.
И для тебя я сделать рад бы
Все, что сумею и смогу.
И лишь в огнях и песнях свадьба —
На недоступном берегу.

ЖЕНЩИНА

Женщина, уже не молодая,
В колыханье света и тепла
К солнышку внучонка поднимая,
Чувствует, что в осень забрела.
И она же, сыновей встречая,
Полная об их судьбе забот,
Если вспомнит годы, то случайно —
Будто бы под радуги идет.
И она же, оставаясь с мужем
(Господи, какой он стал смешной:
Седоватый, лысый, неуклюжий!),
Снова веет на него весной.
Той, когда черемуховый холод
Закружил их, запуржил навек...
Годы, годы — жизни переходы —
То цветы, то ягоды, то снег.

ПЛЯСКА

И откуда взялась такая!
Только вышла она на круг —
И гармошка ахнула вдруг
И застыла в руках, немая.
Но только — на мгновение.
И, волю дав ладам,
Восторг и удивление
Ей бросила к ногам.
До чего ж стройна,
До чего ж бела,
До чего ж красива!
Ветер в косы заплела
И летит — дробит она —
Диво!
«Не спою, как соловей,
Спою, как соловьиночка.
У высоких тополей
Послушай, ягодиночка!»
Запоет — так не случайно:
Каждой песне адрес даст,
В каждой песне — сердца тайны.
Разгадайте, кто горазд!
Гармонист, бывалый парень,
Уж на что сердец знаток,
Только щурился, вздыхая,
Разгадать никак не мог...
Для кого поются песни,
Для кого румянец щек?
Может, ей одной известно,
Да известно ли еще?..

ДЕВЧОНКИ

Насмешливые челки
Да яблоки щек.
Фабричные девчонки —
Как жаркий ветерок.
Не нам сказали: «Здравствуйте»,
Кивнули не нам —
Прошли, походкой хвастая,
К своим парням.
А мы на стыке улиц —
На стыке разных лет —
Им просто улыбнулись
И посмотрели вслед
Не то чтоб удрученно,
Но (все же — но)...
И вспомнили девчонок,
Встреченных давно.
Их выбрали мы сами,
Не спросясь родни.
С огромными глазами
Были они.
Чтоб мамы не видели —
Сбегали от мам,
Чтоб люди не выдали —
Шли на обман.
К нам падали на руки —
Ох, тонки!
Казались жаркими
Нам пиджаки...
А годы катятся
Под сердце к нам.
Мелькают платьица

Уж где-то там,
Как будто за горами
На первом рубеже.
Уже повыгорали,
Повыцвели уже.
Тем боле облегченно
Бывает, вздохнем,
Когда мы тех девчонок
В женах узнаем.
Они теперь уж матери,
Хозяйки они.
Но иногда внимательно,
Нежданно взгляни —
Вот праздник. Увлеченно
Танцуют и поют.
Те самые девчонки,
Девчонки тут!
Чуть что — и огорченно
Вспыхнут, вскипят,
Глядишь — опять девчонки,
Девчонки опять!
И хорошо, признаться,
С такими быть.
Чтоб молодым остаться,
Надо любить.
...Насмешливые челки,
Походочка горда.
Будьте вы, девчонки,
Девчонками всегда!

МАСЛЕНИЦА

Не чудится ли? Тройка
Площадью рысит!
И в первый раз в сторонке
Держатся такси.

Откуда эти лошади
Оказались тут?
Неловко, огорожено,
Конфузливо бегут.

За ними сани старые.
А в них — полно ребят.
Веселые и самые
Счастливые сидят.

Ах, масленица! — вспомнил.
Всего захолоня,
Не лошади, а кони
Уже возле меня.

И в синеве заснеженной
Хохочет бубенец,
Полозья площадь режут
Из конца в конец.

А сани точены,
А дуги золочены,
А конь мой — здесь
В жарких лентах весь.
На скрещенье дорог
Красных девок табунок.

Я поводья тяну:
Вижу, вижу одну.

Все смотрю сбочка,
Как на яблочко.
Набираю и сжимаю
Снега белого комок.
Он летит на полушалок,
Рассыпаясь возле ног.

Ох, догадлива, смела,
Серым глазом повела:
— Не заигрывай так,
Прокати лучше...
И уже конь-ветряк
Задевает тучи.

Я кричу: — С чего начнем,
Чем прогулку кончим? —
У нее горят огнем
Не глаза, а очи:
— А блинами мы начнем,
Поцелуем кончим!

НЕУЗНАВАЕМОСТЬ

«Наш город стал неузнаваем!» —
Как похвальба, звучит опять.
О, горький смысл! Так изменяем,
Что стало вправду не узнатъ.
В неузнаваемости — серость
И разрушительный исход.
И что светилось или пелось,
При ней не светит, не поет...
А мы затем на свет родились,
Чтоб не остаться без следа,
Чтоб на особинку светились
И личности, и города!

* * *

А мне-то что! — в сердцах я бросил,—
Пускай творят чего хотят!
Не ставлю палки им в колеса,
Лишь отвожу с презреньем взгляд.
Но в этот миг ожгло упреком,
Как будто светом из-за штор.
Ведь у меня творят под боком,
Так почему же «мне-то что»?
А коль ошибкой выйдет — ну-ка —
То, что сегодня решено?
Пусть не меня коснется — внуков,
А это мне не все равно!..

Мы — как дерево ныне,
Что незаметно вросло
В город шумной вершиной,
Комлем уперлось в село.
Низко ли, высоко ли
Вытянулось в зенит,
Если холодно комлю,—
И вершину знобит.

* * *

Пройдет и это, как сказал поэт
С улыбкой и печалью ясновидца.
Замены нет и повторений нет
Того, что было иль должно явиться.
Сижу на берегу в закате дня.
Смотрю на серебро воды... Так что же?
Ведь вместе с тем, что ненавижу я,
Пройдет и то, что мне всего дороже...

* * *

Седину носить не стыдно —
Знак отличия навек.
Издалека сразу видно,
Что бывалый человек.
Седину носить не просто —
В ней свой отблеск обрело
Дум нелегких благородство,
Дней прожитых серебро.
Седину носить красиво —
Чистым снегом порошить.
И охота с большей силой
Лучше прожитого жить.

РОДИНА

Слов певучих тихая отрада,
Ширь без края, белый всплеск берез...
Все, что в жизни человеку надо,
Воедино только здесь слилось.
Родина — одно на свете чудо.
Было так всегда и будет впредь.
Лишь она и светит, и врачует,
Чтоб до смерти сердцем не скудеть.

Хоть солнце и зашло уже,
И хоть повял закат,
Как маленькие солнышки,
Березы все горят.
И в те часы вечерние,
Когда войдешь в село,
От этого свечения
И в сумерки светло.
Давно крыльцо отворено,
Но я стою, смотрю
На эту белоствольную
И тихую зарю.
И ничего не надо мне,
Лишь только чтоб она
Дружней росла посадами,
Родная сторона.
Скорее в люди вышла бы,
Да встала в полный рост,
Да свет несла над крышами
Не только от берез.

Как поредел осенний лес!
В лесу пора лучшая.
Молчанье слушаю здесь,
Себя слушаю.
По веткам солнце потекло,
Блестит, радуясь.
Я вглядываюсь в даль стволов,
В себя вглядываюсь.
Тропинка влажная шуршит,
Шумит листвами.
Смотри-ка: выше всех вершин —
Одна лучистая!
Одна береза выше всех,
Струится золотом вверх,
Стоит — не горбится,
Белая, гордая.
Смеется, шуршит
Каждым листиком...
...Ты в лесу моей души
Такая же чистая.

ЧЕРЕМУШКА

Стоит, теплом обласкана,
Лесной, душистой сказкою
У самого солнышка
Роскошная черемушка.
Березкам ли дивиться бы:
Ведь сами белолицые,
Форсистые да чистые —
И то косятся издали.
А ольхи неопрятные
Стыдливо ноги спрятали,
Застыли, словно золушки,
Вокруг черемушки
И тоже удивляются:
«Какая красавица!
Откуда же, откуда же
На ней такое кружево?
И как на этой сырости
Могла такая вырасти?»

* * *

Ветры с севера подули,
Эх, с родимой стороны!
Мои думы, словно угли,
Пламенно раскалены.
Зашумели, закачались,
Залохматились леса.
Моря Белого курчавость
Заплеснула небеса.
Ветры с севера все дале
Завихряли пыль холмов
И с налету охлаждали
Праздный жар пустых голов.
Легкодумные затеи,
Своеволие страстей,
Беззаботный и шутейный
Крен к делам и жизни всей.
Ветры с севера все шире,
Все мощней неслись, как весть,
Что в тревожном нашем мире
Трезвость есть, суровость есть.

Еще на небе было чисто
И зеленел еще лужок,
Но уж чутьем корней и листьев
Березы поняли свой срок.
Оцепенели поначалу,
Дивя прохожих красотой,
Потом со сдержанной печалью
Опали выюгой золотой.
И тут погасли, как лучины,
Потом их снегом замело.
Вблизи, а вот неразличимы:
Кругом бело, кругом бело...

* * *

Меж взглядов и чуждых, и наглых
Распахнуто, весь на виду
Иду, не печалясь о благах,
С достоинством русским иду.
Мне трудно, мне горько — не скрою,
Но совестью не поступлюсь.
Не рвусь в показные герои,
А горько тревожусь за Русь.

Что о старом? Отболело.
Отошло, как скрип колес.
И под этим храмом белым
Тишиною улеглось.
Что о том? Кричи хоть криком —
Не разбудишь эту тишину.
Лишь в смятении великом
Пред Софией постоишь.

ПЯТИЛИСТНИК

1

Завихрятся январские хлопья
И почудится звон бубенцов.
И помнится: глядит исподлобья,
В шарф закутавшись,

Коля Рубцов.

Одиноко стоит у вокзала.
Чемоданчик не тянет руки.
Ох, приятелей было немало,
Да приятели — все слабаки.

Было много надежд,
да не помним.
Под могильным крестом всякий путь.
В этом мире, от века
греховном,
О раскаянья не позабудь...

2

Наш народ попробуй
встряхни!..
А Рубцов, бывало, со сцены
Прочитает с жаром стихи,
Словно он отпустит грехи,
Люди станут светлы, тихи...
Да, стихи его драгоценны!

Ногу за ногу он завьет,
 Над гармошкой ухо склонив,
 И запустит в прощальный взлет
 Журавлей от родимых нив.
 Вот над Русью они взвились,
 Окликают и ширь, и даль.
 И встревожилась в мире жизнь,
 И минувшего стало жаль.
 Защемило наши сердца
 От надрывной песни его...
 Не понять его до конца
 Без страдания своего.

В народ бы ринуться,
 но где народ?
 Деревни, прежде людные,
 заглохли...
 И в городах теснится
 жалкий сброд...
 И вновь Рубцов по Вологде
 бредет,
 Не сдерживая горестные вздохи.
 Душа болит, минувшее
 храня,
 А Слово обрекает вновь на муку...
 Рубцов глядит в соборную излуку.
 Там Батюшков
 уже сошел с коня

И вскинул встречно
дружескую руку.
На всей Руси роднее места нет
Для светлых дум
и верного свиданья...
Здесь в лихолетья всенародных бед
Поэзия, как животворный свет,
Исходит от небесного сиянья.

5

Нету Яшина, нет Рубцова
И Орлова меж нами нет.
Долго будет не зарубцован
На душе обугленный след.
С кем теперь ни дружи
и где бы,
Мы увидим из мест любых
Из стихов высокое небо,
Молодое созвездье их.
Все лучи с трех сторон —
к России,
Как и улицы их имен
К вологодской летят Софии
К чуду белому —
с трех сторон.

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ В ПАРИЖЕ

Как выстрел, грозное известье
Скатилось в утреннюю тишину:
«Вступают русские в Париж!»
И сразу дрогнули предместья.
Сшибались в панике повозки,
Храпели кони на мостах...
О боже! За пожар московский
Они Парижу отомстят.
...Полки торжественно входили,
И с высоты лилась, хмельна,
На гренадерские мундиры
Апрельская голубизна.
— Да здесь, ребята, красно лето.
Куда нас, братцы, занесло!
Шинели бросив на лафеты,
Солдаты щурились тепло.
И в том строю, причастный к славе,
Перехватив ремнями стан,
Летел в седле веселый, бравый
Российской службы капитан.
Он счастлив. Он сейчас не помнит,
Что в Петербурге знаменит,
Что в тишине лицейских комнат
Его певучий стих звенит.
Он просто русский! Он в Париже!
Он из Москвы пришел сюда,
Чтоб нашу речь Париж услышал
И чтоб запомнил навсегда.
Он видел много, понял много
И ничего не позабыл:

Ни бивуаки, ни тревоги,
Ни одиночество могил.
И он гордился, что в Париже,
Наветам гнусным вопреки,
Солдаты наши сердцем выше,
Чем безрассудные враги.
Здесь, перевязывая раны,
Врачую давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
«Мы помним матушку-Москву!»
В толпе мундиров, платьев, фраков
Блистал у парижанок взгляд
От остроумия казаков
И от достоинства солдат.
И он смотрел, как удивленно
Они стояли, закурив,
Перед Трояновой колонной,
Перед решеткой Тюильри.
Он понимал, что здесь впервые
За много лет трудов и битв
Теперь на мир глядит Россия
И на Россию мир глядит.

3
ПОЭМЫ

ДОМ БАТЮШКОВА

Лирическая поэма

Николаю Иринарховичу Янусову

1

В нем свет былого сбережен.
С фасада буквами живыми
Звенит из пушкинских времен
Поэта родственное имя.
И вот сюда — спасибо, жизнь! —
Далекой осенью впервые
Слетелись, съехались, сошлись
Мы, до безумья молодые.
Еще его не зная строк
И ничего о нем не зная,
Кипел и в нас его восторг,
Влекла надежда молодая.
И та распахнутость, и та
Неутоленность шумной новью,
Какой и он в свои лета
Пылал, застигнутый любовью.
Крылечко, лестница, паркет
И окна — все первоначально
В нас излучало звонкий свет
И светлой музыкой звучало.
Знакомства с ходу, впопыхах —
Они еще робки, случайны.

Но в вопрошающих глазах
Уже завязывались тайны.
И я, не зная, почему,
Зачем туда, где бюст Поэта,
Рванулся вдруг сквозь кутерьму
В разлив рябинового света.
Там, у раскрытоого окна,
На ветерке с прохладных улиц
Стояла девушка одна.
Я замер. Мы переглянулись
И разбежались. В толкотне
И в жарком шуме коридора
Все лица заслонило мне
Сиянье встреченного взора.

2

Звонок! И в шумный класс вошел
Медлительный преподаватель.
Портфель невиданно большой
Пронес он в бережном обхвате.
Мы стихли. Поклонился он.
Назвался, ставя нас в известность,
Что с гимназических времен
Ведет российскую словесность.
Словесность! О, старинный слог
И смысл, осознанный впервые!
Он осветил, вознес, возжег
Во мне дремавшие порывы.
Учитель стар. И голос глух.
Но возвышался перед нами
И говорил — как думал вслух —
Он величавыми словами.

Смотрели мы в его глаза —
Как в мир, до этого незримый,
И он внушительно сказал:
«Здесь жил поэт, в России чтимый.
Поэт с душою огневой!
Он много вынес потрясений.
И юный Пушкин у него,
Да, у него учился гений!»
Учитель взглядался в нас
И вдруг отвлекся на мгновенье:
«А кто попробовал хоть раз
Свое сложить стихотворенье?»
Стал слышен гомон городской
И все смотрели друг на друга
Кто — с любопытством, кто — с тоской,
Кто — с выражением испуга.
Не вскинул я смущенных глаз
И замирал от испытанья,
Но на щеках моих зажглась
Невыдаваемая тайна.
Учитель понял. Взгляд его
Поверх очков задорным светом
Коснулся сердца моего
Как будто ласковым приветом.
«Вот в классе «В»... Да, неплохи,—
Он призадумался, довольный,—
Читала девушка стихи
Про моряка, любовь и волны...»
Я вздрогнул: пишет и она!
Да, да! В глазах стихи сияли.
В просвет зеленого окна
Смотрела, как в морские дали...

Кружился Батюшковский дом!
 В нем педучилище блистало.
 Что зрело в сердце молодом —
 То и навек судьбою стало.
 Что в зоркой юности нашлось,
 Первоначально завязалось,
 То — до седых твоих волос,
 То не развязется и в старость.
 А память — сколько ни живи —
 По озорному своенравью
 Тревожит голосом любви
 И будоражит близкой явью...
 И вот я — снова молодой
 На перемене той, далекой
 Верчу кудрявой головой
 Над коридорною протокой.
 Ищу я девушку одну,
 Всех прочих взглядом оттесняю
 И шею тощую тяну,
 Зачем тяну — и сам не знаю.
 Идет, идет! Ах, как стройна,
 Красива свежестью упругой!
 Как возвышается она
 Над неприметною подругой!
 Летит, летит — хоть падай ниц
 Перед такой русоволосой!
 Но — боже! — взор из-под ресниц
 Поверх меня, смотрю, проносит.
 Догнать ее! Скорей, скорей!
 Споткнулся чуть ли не врастяжку.
 Смотрю: матросик перед ней
 Кичливо выпятил тельняшку.

И я, краснея от стыда,
(смешон и жалок третий лишний)
Метнулся прочь — туда, туда,
К окну, в стороннее затишие.
И в ширь оконного стекла
Из облачного оперенья
Тревожным облаком вплыла
Моя родимая деревня.
Братишки там и мать вдова.
По вечерам гармошки в роще.
Там откровеннее слова,
Понятней жизнь и девки проще.
И захотелось в эту жизнь.
Но докатилось вновь до слуха:
Мать говорила мне: «Учись!
В колхозе, видишь сам, разруха.
А там, в училище, паек —
Не клевер все ж, а хлеба крошки.
Ой, поезжай туда, сынок!
Потом пошлю тебе картошки».
И мне из платья своего
Рубаху сшила голубую...
Она не знает ничего,
Как я с любовью здесь бедую.
Смутился думой и решил
Учиться так, чтоб мать гордилась.
Но в своевольности души
Тоска ревниво затаилась.
Тоска любви — она со мной.
О, тайный трепет — это лепет
Уже поэзии самой,
Когда душа отважно крепнет!
А время шло. И началось
У полусумрачных оконец

Мое страдание до слез,
До вдохновений, до бессонниц.
О, как поэзия сильна!
Лишь безраздельно ей доверься,
В нужде, в беде она одна
Спасает исповедью сердца.
Я приносил с базара жмых
И грыз его, что камень черный,
А получался светлый стих,
Восходом утра золоченный.
Я бегал в домик на совет,
В котором жил словесник старый.
«А ты, похоже что, поэт»,—
Он ободрял и знаки ставил.
Он добрый был. И оттого
Душой учителю внимали,
И лишь по отчеству его
Мы Иринарховичем звали.
И вот однажды у окна,
Где профиль гордого поэта,
Со мною встретилась она,
Та, что в стихах уже воспета.
Она застенчива была
И скромно, простенько одета.
Вся — из румяного тепла,
Вся — из порывистого света.
Взор подняла она с таким
Огнем, что все во мне запело.
«А я люблю твои стихи»,—
Призналась тихо и несмело...

Белела Вологда вблизи
 В кудрявой зелени излучин
 Огромным теремом Руси —
 Резным, причудливым, певучим.
 И возносила напоказ
 То журавлиные балконы,
 То крыльца, милые для глаз,
 То в кружевных венцах колонны.
 То замощенные стократ
 В домах бревенчатых угоры,
 То изразцовый блеск палат,
 То уцелевшие соборы.
 И над теплом такой красы,
 Плыя в березовые дали,
 В Кремле высокие часы
 Колоколами закипали,
 И рядом — ты! Со мной, со мной!
 И слышно: где-то недалечко
 Катилось к нам по мостовой
 Любви заветное колечко.
 А с ним и всякий дворик люб.
 Близка черемушная заросль,
 Где в нетерпенье с жарких губ
 Слова, что ягоды, срывались.
 Вокруг томилось буйство трав —
 И мы расплескивали травы,
 Друг к другу радостно припав,
 В себе не чувствуя управы.
 И поздно, в сумраке ночном,
 Колечко вновь, как в сказке-были,
 Катилось в Батюшковский дом,
 Где мы учились и где жили...
 Дом полуночный погружен
 В молчанье тайных пробуждений.

В нем бродят шорохи времен
И, может быть, живые тени.
Но мы на цыпочках опять
От общежитских чутких комнат
Шмыгнули утро повстречать
На подоконнике укромном.
И вдруг возникли в тишине
Шаги! В нас обмерло сознанье.
Все ближе к нам! И по стене
Тянулось чье-то прикасанье.
И в руки мне, как под заслон,
Ты опрокинулась, как птица.
Ах, Иринархович! — Он, он!
И старику, видать, не спится.
— Вы извините,— нас узнал,—
Вот обхожу свою обитель.
А здесь и Батюшков стоял,
Здесь, у окна, где вы стоите.
В окно повеял ветерок...
А Иринархович с участью
Вздохнул: «Поэт был одинок,
Да и в любви своей несчастлив...»
Смутились мы от этих слов,
И в наших лицах выражалась
К поэту тихая любовь
И неосознанная жалость.
Стояли мы — глаза в глаза,
Горели пламенем единым,
И нам казалось, что нельзя
Быть одиноким, нелюбимым...
Наш друг ушел. И в тьме ночной
Сверкнула даль полоской алой,
Набухла розовой волной,
В окне зарей затрепетала.
Кресты искристые зажглись,
И купола святой Софии.
Взметнулись в радостную высь,

Как откровенья золотые.
И звоны, звоны над землей,
Над заревой, опять поплыли...
Мы были счастливы с тобой —
Друг друга всей душой любили.

5

Дом дорог памятью своей.
Вон перед ним зеленокосы
Из наших юношеских дней
Звенят лишь две иль три березы.
Лишь две иль три... А мы тогда
Всем курсом много их сажали.
И что ж? Ни корня, ни следа —
Лишь наши выросли печали.
А в том окне, где мы с тобой
Так были счастливы впервые,
Прошли бесчисленную толпой
Уже другие молодые.
Но постоянно в том окне,
Лишь окажусь, бывает, рядом,
Поэта вижу в глубине —
Как тень, мерцающую взглядом.
Он с давних, им забытых пор,
Парнас и ад уже познавший,
Все смотрит, смотрит на собор
И на Кремля глухие башни.
Что видит в них? И от кого
Он там, в окне, один таится?
Исчезло время для него —
Он может в миг любой явиться.
И вновь охватывает грусть:
Какой родной и одинокий!

Читает время наизусть
Его чарующие строки.
В них дерзость, молодости пыл,
Любовь и доблестные были.
Поэт в несчастье их забыл.
Но мы, потомки, не забыли.
В родном ли, в дальнем ли краю,
Чтоб тихой радостью согреться,
Иль глядя в молодость свою,
Мы шепчем вновь:
«О, память сердца!»

СЕВЕРЯНОВНА

(Поэма)

1

Погода нас потешила:
Ох, были кутежи!
Февраль косматым лешим
За ельники бежит.
И яснится, яснится
У меня взгляд.
И на сердце, на сердце
Капли летят.
Вытаивает снова
Прежняя грусть.
Тревожно, озноубно:
К милой рвусь.
Она за дальним волоком,
За Кубеной-рекой.
А волок — синим облаком:
Дороги никакой.
Подождать погоды
Хотя бы чуть-чуть,
Когда пароходы
Тронутся в путь.
Но не могу иначе,
Прости, родимый дом!
Гостинец в сумку прячу —
И в ростепель пешком.

Дорога еле брезжит:
Ельник кругом.
Луна что глаз медвежий
С тучкой — бельмом.
Встань на дорогу
И сам медведь —
Смогу, ей-богу,
Сшибить, одолеть.
Лечу, метелю —
Не тяжело!
Кончился ельник,
Смотрю — рассвело!
Смотрю ошарашенно:
Лежит за бережком
В золотом шалашике
Солнце колобком.
И сразу здешним жителям
Кричу издалека:
Не это ли, скажите,
Кубена-река?
— Да,— отвечают,— Кубена.
Ах, наконец она!
Как будто я пригубил
Сельповского вина.
— Еще скажите: как бы
Перебраться мне?
— Да он в уме ли, бабы?
Право, не в уме.
Смотри-ко, водополица
Вон какая прет,
И трещит, и колется
На Кубене лед...
Я говорю, не дрогнув:
— Вернуться не могу.

— Ты что, оставил дролю
На том берегу?
— Оставил и тоскую,
Надо позарез!
— А мы найдем другую,
Оставайся здесь.
На нашей речке-матушке
Сахарно живут.
Привадушки-повадушки,
Ой, какие тут!
Здоровые да чистые,
Долгой красоты.
Кто был — никто не выстоял,
Так выстоишь ли ты?..—
И смотрят завлекательно,
Лукаво брови гнут,
Теплом меня окатывают
Несколько минут.
Я чувствую: сгораю
На стылом берегу,
И твердо повторяю:
— Остаться не могу!
Они как будто сердятся:
— Ну что ж, бреди,
Да только сердце,
Смотри, не застуди...
Эх, кубенская, быстрая,
Надледная вода,
Ты помоги мне выстоять —
Сама молода.
Скользжу неуверенно,
Холодею весь,
Разводья меряю
То там, то здесь.

Куда ни тронусь,
Как на беду —
Уже по пояс,
А все ж бреду.
Боязно, страшно
И глянуть вниз.
Женщины машут:
Парень, вернись!
Не воротиться,
Была не была!
Сумка с гостинцем,
Смотрю, поплыла.
Материн сладкий
Пирог — ко дну,
И сам я слабну,
Тону, тону.
Руки в ссадинах...
Только вдруг
Вижу спасательный
Красный круг.
Бросил колышек —
И вперед.
Ах, это солнышко
Там плывет.
Кажет льдины
На глубине,
Вьет золотые
Веревки мне.
Хватаю, верю,
Совсем огруз.
Но рядом берег,
Ольховый куст.
И, чуть не погубленный
В яростном льду,

Счастливый, за Кубеной
Утром иду.
Сияет березник,
Сияет сосняк.
Сияет облезлый
Мелькнувший беляк.
Сияет и щепка,
Которую пнул.
От Кубены крепкий
Доносится гул.
Во рту пересохло,
Бегом, бегом.
И вот невысокий
С перильцами дом!
И стукнули дверцы,
И, смятена,
Наконец-то,
Она, она!
И не выговорить —
Тишина...
И озаренье
Ее лица
В тени деревьев,
В тени крыльца.

2

Постлала скатерть новую
(Честь-почесть дорога),
Льняную, отбеленную
На мартовских снегах.
Захолодало заново
От скатерти в дому.
Зови-ко, Северяновна,

Матушку саму.
Я за тобою! Чуешь?
И, перепав в лице,
В моих руках качнулась,
Как в золотом кольце.
Мать выплывает, вострая.
Мы — порознь второпях,
Но наша тайна — господи! —
Пылает на губах.
Все видят — что расспрашивать!
О, взгляды матерей!
— Я вот за дочкой вашей...
— Да вижу, что за ней...—
И села — плакать хочется,
Да надо перемочь.
— Согласна ли ты, доченька?
— Согласна,— шепчет дочь.
Платок поспешно вынула
И скомкала в горсти.
— Ну, что ты плачешь, милая?
— Да плачется, прости...
Давно ли дочка прыгала
С веревочкой в руках?
Давно ль рассталась с играми
На невских берегах?
В то лето предвоенное
Так молодо жилось:
Невой росисто веяло
Средь радуг и берез...
Ну, мама, мама, надо ли?
Но ТАМ у мамы взгляд.
Расстрелянные радуги
Осколками свистят.
И ТАМ вот эта девочка,

Блокадное дитя,
К ней снова жмется немочно
В седых очередях.
И, как травинка, падает
У мамы за спиной,
Когда везут по Ладоге,
По нитке ледяной...
Не выжить ей, наверное,
Когда б за черным льдом
Не опахнуло севером,
Снегами, а потом
Дымками, замелькавшими
В толкучке тупика,
И кашей, ложкой каши,
И кружкой кипятка,
И паром, раскатившимся
Во множество колец.
И днем, и возвратившейся
Жизнью наконец...
— Ну, мама, мама, надо ли?
Мать поднимает взгляд —
А на ресницах радуги
Размывчато горят.
Певучая скворечня
Сверкает у окна.
И старость тем утешена,
Что молодость красна.
Летает, ходит рядышком,
Свои пути торит...
Глядит пытливо матушка
И тихо говорит:
— Любовь делите поровну —
Пусть будет дорога,
Пусть льется речкой полною

В годах, как в берегах.
По верности — достойная
Тех, кто себя не спас,
Кем пули остановлены,
Направленные в нас.
А красотою равная
Родимой стороне
С березами и травами,
И солнцем на стерне...
Что прожито — всё наново
Идет, листвой сквозя,
И рядом Северяновны,
Любви моей глаза.
В нетерпеливых искорках
И от ресниц в тени,
Огромные и близкие,
Придвинулись они.

3

Не было думы —
Да надумали вдруг,
Не было времени —
Да стало досуг,
Порешили ехать
С молодой женой
В Заволочье синее
Гладью водяной.
Выходила на берег,
Говорила мать:
— Надо ей, молоденькой,
Родину казать.
Чтоб на сердце — ясно,
Чтоб в глазах — не дымно,

Чтоб не слой — три слоя
Жизни было видно.
...Водополь веселая,
Стукнув о борта,
Позади свивается
В белых два жгута.
Волны-то катаются —
Белые кряжи,
А в лицо черемуха
Будто бы пуржит.
Белое-то озеро
Шире широка,
Словно протянувшееся
Утро сквозь века.
В дымку заозерную
Зорче взгляд упри:
Вычертится Новгород
Из седой зари.
А оттуда в лодках
Дыбом, внахлест
Выгребают молодцы —
Дюжая кость.
А в глазах — полнеба,
В бородах — ветра.
На ремнях с насечкой —
Отблеск топора.
Душу потешили
Эти топоры:
Рублеными молниями
Прянули шатры.
И горели гормя
Выше грив лесных,
Будто капли солнышка,
Луковки на них.

До студена моря —
Во какой размах!
Обживались гости
В белых теремах.
Веял жар застенчивый
В женах молодых,
Свет летел на плечи
От волос льняных.
Этот жар не слабнул,
Этот свет не мерк
С добротой, с достоинством,
С верностью навек.
И они рожали
В горницах детей —
Золотое крыльшко
Красоты своей.
Сквозь леса, сквозь годы,
Тихое на вид,
Все оно летело,
Все оно летит.

...Смотрит Северяновна
В эту даль востро.
И во мне светает:
Чувствует родство.
...Вот на горизонте
В елочный проем
Вплыло Ферапонтово
Каменным костром.
От страстей великих,
Бушевавших в нем,
Сквозь столетья лики
Теплятся огнем.
Взлет певучих линий

В храме одержим
Голубым, малиновым,
Белым, золотым.

А вокруг да около
Сколько люда тут!
Из краев далёких
Едут и идут.

А оттуда, с выси —
Взгляд и мудр и прям,
Будто Дионисий
Это смотрит сам.

...Долго Северяновна
Бродит в тишине,
Видит, видит главное,
То, что видно мне.
И опять над мачтами
Шелестит кумач.

Это что? Не сказка ли
Ткется между матч?
Это лебедино

Ткется к ряду ряд
Заволочья дивного
Первостольный град.
На плечах — узорочье,
На поясе — вязь.

Зелено и солнечно
Он встречает нас.

И плывут румяные
В сторону дымы.

...Глянь-ко, Северяновна!

Вот и дома мы.

В платье ловком, простеньком,
Очень молоду,
По дрожливым мостикам

С палубы веду.
По тесовой пристани,
Где пенится квас,
Мимо глаз завистливых,
Мимо добрых глаз.
Прямо на дорогу —
Волосы вразлет!
Гляну сбоку —
Свежесть опахнет.
Улыбнется милая,
И в руке легка
Полная и сильная
Жаркая рука.
Мы летим мимо
Домиков в резьбе
По проспекту длинному
В комнату к себе.
В ней в окошке любом
Плавает солнце...
Была бы любовь —
Счастье найдется...

От автора

Родом я из лесной деревни Петряево Сокольского района, но судьба подарила мне счастье прожить в Вологде уже более полувека. В далеком 1945 году, когда только что закончилась Отечественная война, я приехал в Вологду учиться, да так и остался в ней на всю жизнь. Здесь семнадцатилетним студентом видел, как древняя Вологда широко отмечала свое 800-летие уличными концертами днем, праздничными гуляниями, салютами ракет в вечернем небе.

Здесь после пединститута я работал в редакции газеты «Вологодский комсомолец», а затем — ответственным секретарем Вологодской писательской организации. Здесь вышло в свет большинство моих книг.

И радостно осознавать, что в Вологде — в этом многовековом дивном русском городе — живут и семьи моих сыновей с любимыми внуками, уже появились и правнуки. Я счастлив, что в милой сердцу Вологде встречаю ее 850-летний юбилей. Эта книга — мой подарок вологжанам и гостям города.

Александр Романов

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГОРОД НАШЕЙ ДУШИ	5
II. СТИХОТВОРЕНИЯ	9
«Как услышу я знакомый говорок...»	10
«С Ярославского вокзала...»	11
Русский Север	13
Колокола	14
Яшин	15
Улица Александра Яшина	16
Встреча на улице	18
Разговор с художником Корбаковым	19
«Иконописец-вологжанин...»	21
Русское слово	23
Смотрю опять..	24
Красные тучи	25
Гармонья	26
Очки Василия Белова	29
В гостях у Павла Беляева	30
Посвящение в родню	32
«Меня, себя заденешь ли...»	34
«Метель, дорогу бодая...»	36
Имя выбрали Иван	37
Совет	38
Старик	39
Дочери	40
Разговор	41
Печали	42
«Что красноводье, поздняя брусника...»	43
«В молчанье я стою один...»	44
«Ах, свадьбы шумные...»	45
Женщина	47
Пляска	48
Девчонки	49
Масленица	51
Неузнаваемость	53
«А мне-то что!..»	54
«Мы — как дерево ныне...»	55
«Пройдет и это...»	56
«Седину носить не стыдно..»	57
Родина	58

«Хоть солнце и зашло уже...»	59
«Как поредел осенний лес...»	60
Черемушка	61
«Ветры с севера подули...»	62
«Еще на небе было чисто...»	63
«Меж взглядов и чуждых, и наглых...»	64
«Что о старом?...»	65
Пятилистник	66
Константин Батюшков в Париже	69
III. ПОЭМЫ	71
Дом Батюшкова	72
Северяновна	82
<i>От автора</i>	94

*Изательская фирма «Вестник» и автор благодарят
Вологодскую городскую администрацию
за финансовую помощь в настоящем издании.*

**Литературно-художественное
издание**

Александр Романов

**ВОЛОГДА МОЯ
СВЕТЛОВОЛОСАЯ**

**Редактор В. В. Коротаев
Художник Э. В. Фролов**

Сдано в набор 4.06.96. Подписано в печать 23.06.96.
Формат 70x90/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,51.

Тираж 5000. Заказ 836.

ПФ «Полиграфист»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.